

СОБОРНОСТЬ И ИНДИВИДУАЛИЗМ: ДВА ЛИКА ВОЙНЫ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ (М. А. ШОЛОХОВ, В. Г. РАСПУТИН)

Л. Г. Сатарова, Н. В. Гречушкина, Н. В. Стюфляева

*Липецкий государственный педагогический университет имени
П. П. Семенова-Тян-Шанского*

Поступила в редакцию 2 мая 2025 г.

Аннотация: в статье предпринята попытка проанализировать произведения М. А. Шолохова и В. Г. Распутина в контексте категорий христианской культуры. Авторы утверждают, что в рассказе М. А. Шолохова «Судьба человека» главный герой, преодолев многочисленные испытания военных лет, остался верен долгу отцовства и усыновил сироту Ванюшу. В повести В. Г. Распутина дезертир Андрей Гусков ради собственного выживания губит свою семью: жену и еще не родившегося ребенка. Его позиция индивидуалиста сеет вокруг себя только разрушение и смерть.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, подвиг, М. А. Шолохов, В. Г. Распутин, рассказ, повесть, служение, любовь, христианские ценности.

Abstract: the article attempts to analyze the works of M. A. Sholokhov and V. G. Rasputin in the context of the categories of Christian culture. The authors claim that in M. A. Sholokhov's short story "The Fate of Man," the main character, having overcome numerous trials of the war years, remained faithful to the duty of fatherhood and adopted the orphan Vanyusha. In V. G. Rasputin's novel, the deserter Andrei Guskov destroys his family for his own survival: his wife and unborn child. His position as an individualist sows only destruction and death around him.

Keywords: the Great Patriotic War, feat, M. A. Sholokhov, V. G. Rasputin, short story, novella, service, love, Christian values.

В 2025 году весь культурный мир отмечает несколько юбилеев М. А. Шолохова. Основные из них — 120 лет со дня рождения писателя и 60 лет вручения ему Нобелевской премии. Заслуги М. А. Шолохова как перед казачеством, так и перед Россией в целом трудно переоценить. Он не только открыл неповторимые казачьи типы характеров и бытовое своеобразие «Тихого Дона», но и первым показал «рассказывание» как геноцид большевиков против собственного народа. М. А. Шолохов сохранил само слово, само понятие «казак», необходимое для становления нашего национального самосознания и для истинного понимания исторического пути России.

Тема войны волновала М. А. Шолохова на протяжении всей его творческой жизни. Сначала это было изображение гражданской войны в «Донских рассказах», потом — Первая мировая война, революция и «рассказывание», вызвавшее контрреволюционное Верхне-Донское восстание. Коллективизацию в «Поднятой целине» нельзя рассматривать вне связи с письмами М. А. Шолохову к И. В. Сталину, где сами колхозники признавались автору, что родная советская власть разорила их хуже, чем белые в гражданскую войну.

Особое место в творчестве М. А. Шолохова занимает Великая Отечественная война, во время которой

ему пришлось пережить немало таких потрясений, которые могли оборвать саму его жизнь. Это и продолжавшаяся клевета «братьев»-писателей, которые не оставляли попыток заставить замолчать М. А. Шолохова навсегда. Это и бомбежки станицы Вешенской, когда постоянно два объекта были на прицеле у фашистов: храм святого Архангела Михаила и дом М. А. Шолохова. В один из таких полетов трагически погибла мать писателя, не успевшая выйти из дома. Это и катастрофа с самолетом, на котором летел М. А. Шолохов, чтобы выполнить задание Совинформбюро. При посадке самолет уткнулся носом в землю, погибли все, кроме летчика и М. А. Шолохова. Писатель получил тяжелейшую травму: произошло смещение всех внутренних органов. Сын Михаил вспоминал, что к отцу «было страшно даже подойти — чудовищно распухшая голова ... долгое время он ничего не мог есть — любая пища вызывала рвоту...» [1, 322].

Жена кормила его с ложки: только сливки. Председатель колхоза присылал баночку, потому что военкору М. А. Шолохову долго не оформляли денежное довольствие. Семья вынуждена была продавать вещи, чтобы прокормиться.

В военные годы М. А. Шолохов начал писать роман «Они сражались за Родину», главы из которого публиковались в газете и отправлялись солдатам в окопы, где расходились нарасхват. Настоящим прорывом в теме «человек и война» стал рассказ

«Судьба человека», явивший собой целостную мировоззренческую концепцию, в основе которой лежит традиционная для русской литературы идея соборности, по мере возможности реализовавшая себя в годы атеистического лихолетья. Путь к этому гениальному рассказу-эпопее отчасти начался еще в 1920-е, когда М. А. Шолохов работал над «Донским циклом». Рассказ «Чужая кровь» по праву считается венцом «Донских рассказов», в которых анализировалась и художественно преломлялась проблема «отцов и детей» — центральная для всей русской литературы. Новаторство М. А. Шолохова состояло в том, что библейская ситуация отца и сына получила в рассказе невиданно острое как социальное, так и религиозно-нравственное наполнение.

Главный герой «Чужой крови» — донской казак дед Гаврила — истинный христианин, воспитанный на традиционных ценностях русского мира царской России. Православная вера и любовь к Церкви стоят для него неизмеримо выше, чем сохранение собственной жизни ценой отказа от того, что определяло смысл существования и его самого, и всего казачьего рода на протяжении веков. Красные разрушили этот мир, утверждая новых земных кумиров, ради которых готовы были залить «тихий Дон» кровью, принести любые человеческие жертвы. Для обороны «батюшки тихого Дона» дед Гаврила отправляет на войну единственного сына Петра, который погибает, выполняя долг защитника родного края. Казалось бы, в душе герою должна была поселиться непреходящая ненависть к врагам, осиротившим его и старуху. Однако автор новаторски разрешает гражданский конфликт красных и белых в своем рассказе. Чужой не только по крови, но и по духу красный продкомиссар, умирающий от ран на базу деда Гаврилы, вызывает в душе старика сострадание, а не желание добить врага, осуществить праведную месть. Старик и старуха выходили молодого красноармейца и привязались к нему как к родному. И продкомиссар отвечал им взаимностью. Чужие по крови люди объединились в одну семью, разделение было преодолено той жертвенной христианской любовью, которую заповедовал Спаситель.

Тем не менее трагическая сущность гражданской войны, как ее понимал М. А. Шолохов, не давала возможности оптимистического финала в «Чужой крови». Старики теряют и этого второго, приемного сына. Но духовно-нравственное ядро проблематики рассказа оказалось весьма продуктивным, выводящим из тупика взаимоотношения гражданского противостояния. Чувства отца и сына — вечные, заповеданные Библией, — победили порочную идею социально-классовой вражды и вывели героев к свету Истины всечеловеческого, соборного единства и общения во Христе.

Эта шолоховская модель снятия противоречий в казачьей среде воплотилась и в романе «Тихий Дон». Речь идет о трагедии Григория Мелехова.

Сколько было сломано копий в трактовке его судьбы! Однако на сегодняшний день наиболее актуальным является анализ его трагедии в контексте христианской культуры.

В романе «Тихий Дон», столетие со времени начала работы над которым мы отмечаем в этом году, есть эпизод, который впечатляюще демонстрирует суть казачьего братства или товарищества, как его называл Н. В. Гоголь («Тарас Бульба»). Мы имеем в виду фрагмент спасения Григорием Степана Астахова во время боя Первой мировой войны, когда соперник, трижды стреляя в спину, пытался его убить. «Опаленный радостной решимостью», преодолевая ревность, рискуя собственной жизнью, Григорий спасает не только соседа по хутору, но и личного врага, поклявшегося отомстить ему за Аксинью вплоть до физического уничтожения.

В романе-эпопее М. А. Шолохова казачество изображается как христоролюбивое воинство, где на первом плане — следование духовно-нравственным заповедям, которые сохраняли российское казачество как военное братство — уникальное, феноменальное явление, способное к самоорганизации, самопожертвованию, обладающее глубинным инстинктом государственности. Православная вера, христоцентризм, способность к подвигу ради высших идеалов и ценностей составляют фундамент мировоззрения донцов, который неустанно взращивала и подпитывала Церковь. Мелехов совершил свой подвиг мгновенно, не колеблясь, не раздумывая, подчиняясь тому духу казачьей общины, которая основана на соборных началах своего устройства.

В то же время другой герой «Тихого Дона», Евгений Листницкий, находясь в тылу, соблазняет Аксинью, делает ее своей любовницей, поскольку она всецело находится в его власти. Листницкий — монархист, в уста которого автор вкладывает достаточно много трезвых, аналитических рассуждений о положении дел в стране. Он осознает, что «обворовал» ближнего, то есть Григория Мелехова, совершил смертный грех. Грехи для падшего человека — явление обыденное, но христианин отличается от других тем, что он может искренне раскаяться и не допустить повторения ошибок. Однако у Листницкого побеждает философия индивидуалиста, состоящая в том, что он оправдывает свое падение, мотивируя тем, что ему «все можно», поскольку он проливал кровь на фронте.

М. А. Шолохов приводит его рассуждение о войне и о некоем праве гедониста «пожить в свое удовольствие»: «С точки зрения честного человека — это подло, безнравственно. Григорий... Я обворовал ближнего, но ведь там, на фронте, я рисковал жизнью. Могло же так случиться, что пуля взяла бы правее и продырявила мне голову? Теперь я ислевал бы, моим телом нажирались бы черви... Надо с жадностью жить каждый миг. Мне все можно!» [2, 359].

Этот скользкий путь самооправдания во зле исследуется М. А. Шолоховым на примере ряда судеб героев романа, как и противоположный — нравственный выбор человека, который сумел преодолеть животные инстинкты, страх смерти, голод, холод и другие лишения и не превратился в эгоцентрика, желающего не только выжить любой ценой, но и получить свою долю светлых земных «сокровищ».

Таков Григорий Мелехов, для которого поиск универсальной правды, а не комфорта существования становится смыслом жизни и который через невероятные страдания обретает этот смысл в финале, когда оказывается на пороге родного дома с сыном на руках. Последний выбор героя — вернуться домой до объявления амнистии — тоже подвиг, поскольку на этот раз Григорий рискует своей жизнью, чтобы выполнить отцовский долг (заметим, что прототип Григория Мелехова, Харлампий Ермаков, был расстрелян чекистами в 1920-е годы).

Финальный путь Мелехова — жертвенный, он способен «положить душу за други своя». А это высшая степень христианской любви. Таким образом, М. А. Шолохов, несмотря на давление офицеров и даже тех своих друзей-писателей, которые по-своему желали ему добра, призывая сделать Мелехова «красным» в конце эпопеи, закончил свой роман так, как ему подсказывала совесть. При этом он отчетливо осознавал, на что идет: «Тихий Дон» мог не попасть в печать. М. А. Шолохов подчеркивал, что напишет роман так, как считает нужным, а «там хоть четвертую».

Великая Отечественная война заставила М. А. Шолохова как автора казачьих романов обратиться к общерусской истории, бытовому материалу и типу национального характера. Его фронтовые публикации и главы из романа «Они сражались за Родину» представляют собой уникальный опыт создания на базе горячей фазы военных действий, острого злободневного материала сюжетов и конфликтов общечеловеческого масштаба и значения. Таков очерк-рассказ «Наука ненависти», который был воспринят нашими бойцами как руководство к действию, как духовно-нравственное оправдание «священной» войны нашего народа против фашистского Запада. Этот рассказ был высоко оценен таким глубоким и тонким критиком русского зарубежья, как Н. Оцуп. Анализируя начало шолоховского очерка, он писал:

«Перехожу к небольшой вещи Шолохова “Наука ненависти”. Она тоже написана на случай. Но сколько в этом коротком очерке величия и простоты! Поверхностному гуманисту “Наука ненависти” могла бы дать повод для негодования. В самом деле, поэту не очень пристало разжигать в сердцах чувствомести... Разумеется, победить в себе ненависть — подвиг святых, но ведь святых меньше даже, чем гениев. “Наука ненависти” написана превосходно» [3, 107].

Н. Оцуп приводит в доказательство пейзаж, который открывает повествование, задавая определенную тональность: «На войне деревья, как и люди, имеют каждое свою судьбу» [3, 107]. В поле зрения военного пейзажа М. А. Шолохова попадают сосна, березка и дуб. Картина природы, которую смерть превратила в кладбище (об этом говорят детали в изображении сосен), оживотворяется весенним расцветом молодой березки, листочки которой хотя изранены осколками, но продолжают жить, приветствуя весну как начало вечного обновления жизни. Центральным образом пейзажа является дуб — символ русского мужества, крепости и стойкости: «На провесне немецкий снаряд попал в ствол старого дуба, росшего на берегу безымянной речушки. Рваная, зияющая пробоина иссушила полдерева, но вторая половина, пригнутая разрывом к воде, весною дивно ожила и покрылась свежей листвой. И до сегодняшнего дня, наверное, нижние ветви искалеченного дуба купаются в текучей воде, а верхние все еще жадно протягивают к солнцу точеные, тугие листья...» [3, 108].

Вспоминается «толстовский» дуб князя Андрея, который параллелен возрождению души героя. Н. Оцуп продолжает: «У Шолохова прямого параллелизма между состоянием души и рассказом в этом очерке нет, но что-то неуловимо определяет весь тон отрывка, сплетая ужас и слабую надежду в одно, как сплетены они в образах уцелевшей каким-то чудом березки и разорванного, но все же зацветающего дуба. Шолохов вообще в ладу с природой. Душа его не душа выдумщика. И вот парадоксальное заключение: в этом очерке из ненависти вырастает любовь» [3, 108].

Статья Н. Оцупа изобилует множеством оригинальных и продуктивных наблюдений над шолоховским текстом. Нас особенно привлекает то замечание, где он акцентирует нечто ускользающее от определения, трудно уловимое, но реально присутствующее в рассказе чувство общности автора, героя, природы, которое мы называем соборностью. В мире М. А. Шолохова всё, что он изображает, существует в живой связи со всем, в единстве части и целого, одно познается через другое, взаимоотражается и символизируется. Именно об этом говорит «ключ» всей мелодии шолоховской прозы, где отмечается, что деревья и люди имеют свою судьбу, а вместе, в целом создают ту картину мира, которая отличается национальным колоритом и концептуальной завершенностью.

В рассказе «Судьба человека» мы видим ту же стилизованную манеру запечатления главной идеи произведения в пейзаже, который становится не только фоном действия, но и воплощением философских, мировоззренческих установок автора: «Первая послевоенная весна была на Верхнем Дону на редкость дружная и напористая. В конце марта из Приазовья подул теплые ветры, и уже через двое суток на-

чисто оголились пески левобережья Дона, в степи вспухли набитые снегом лога и балки, взломав лед, бешено взыграли степные речки, и дороги стали почти совсем непроездны» [4, 347].

«Дружная, напористая весна» — обобщенный образ всех сил природы, которые объединяются, «напрягаются» ради того, чтобы воскресить жизнь. Этот пейзажный лейтмотив проецируется на трагическое содержание военной истории, которое будет преодолено духом, усилием человеческой любви. В начале рассказа герой-повествователь, Андрей Соколов и Ванюшка — посторонние люди, у каждого из них — своя траектория движения по жизни. Но после исповеди Соколова они сливаются в нечто единое, что позволяет говорить об общенародной судьбе в рассказе, придающей ему качество эпопейного масштаба.

Первое обращение Соколова к незнакомцу — «браток» — показательно, оно будет употреблено в рассказе более десятка раз. Мы полагаем, что это не просто точная бытовая деталь разговора шофера с «шофером». Оно сразу включает чужих людей в смысловое пространство, где на первом плане такие нравственные категории, как сочувствие, сострадание, понимание и сопричастность к жизни своего ближнего, соучастие в ней. Исповедь Андрея Соколова — постепенное обретение соборного сознания, которое показано автором как процесс. Это история разделения и соединения героя с разными людьми, именно в этих обстоятельствах выковывается его характер.

Первый драматический эпизод в этой сюжетной линии — прощание с Ириной перед уходом на фронт. Следует подчеркнуть, что после женитьбы Соколов вначале ведет себя в семье как своевольный холостяк: пристрастие к выпивке способно было разрушить любые узы совместной жизни. Но Ирина, которую Солженицын справедливо назвал «истинной христианкой в духе Достоевского», своим ангельским терпением и кротостью обуздывает страсти своего мужа, укрощает его своеволие и создает крепкую, счастливую семью. Их брак благословляется детьми, любовь и всепрощение Ирины привели к закономерному результату — семья живет по библейской заповеди: «плодитесь и размножайтесь».

Война разрушила этот счастливый мир, и в рассказе началась уже иная история Андрея Соколова — современного Иова Многострадального (на библейский исток судьбы шолоховского героя многократно указывала критика). Как отмечалось выше, открывает новую страницу его воспоминаний эпизод прощания с Ириной, данный автором крупным планом. Чувство вины, которое испытал герой, нечаянно, но сильно оттолкнувший жену, поселяется в его душе навсегда, оно растет и даже укрепляется, становится неизбывным, поскольку они больше уже не увидятся, как и предсказывала Ирина, «на этом

свете». Чувство вины за страдания другого человека, своего ближнего — это национальная черта нравственного облика русского человека, во многом определяющая его характер. Соколов даже перед смертью не хочет и не может простить себе ту боль, которую он причинил жене.

Нити от этого эпизода тянутся к повести В. Г. Распутина «Живи и помни». Написанная спустя двадцать лет после рассказа М. А. Шолохова, она подхватывает вопросы, поставленные в «Судьбе человека». В ней тоже в центре внимания оказываются отношения мужа и жены, проблема испытания человека войной, конфликт соборного и индивидуалистического начал как в народной жизни, так и внутри каждого человека.

Андрей Гуськов и Андрей Соколов — героинтиподы, хотя у них одно имя, но их «птичьи» фамилии показывают всю глубину различия их нравственного выбора и поведения в годы войны. Андрей Гуськов не только заставляет Настену чувствовать свою вину за то, что он дезертировал с фронта, но и вовлекает ее в преступление против своих же односельчан, против родного отца, наконец, против их будущего ребенка, которым они собирались «оправдаться». Настена приходит к полному разладу внутри себя самой, ее честная, искренняя, «соборная» натура начинает ломаться под грузом тех грехов, которые она совершает ради мужа. Она вынуждена врать, красть, лицемерить, переставая различать добро и зло.

Испытания, выпавшие на долю Гуськова, несоизмеримы с теми, что пережил Соколов. Плен — самое страшное, что могло случиться с человеком на войне. Это традиционный подход, и именно так его изображает М. А. Шолохов. Его задача — показать те истоки сопротивления злу, которые позволяют Соколову не только остаться человеком, но и стать героем, совершить подвиг, до конца претерпев те страдания, которые несла война. Первый убитый им человек на войне — свой же русский. В этом смысле эпизод в разрушенной церкви, где происходит убийство, является поворотным, в нем М. А. Шолохов раскрывает тот базис, фундамент личности Соколова, который делает его сопричастным к беде каждого человека. Среди советских военнопленных обнаружился предатель, который захотел «милости» от немцев, выдав им своего командира. Вся «соль» данной ситуации состоит в том, что самому Соколову здесь ничего не угрожает, он мог бы занять позицию постороннего, заботясь о сохранении собственной жизни. Тем более, что на его глазах только что погиб солдат-христианин, который предпочел смерть осквернению храма. Но настоящие воины исповедуют идею и ценности «товарищества», фронтового братства, и Соколов принимает неравнодушное, принципиально важное решение — уничтожает предателя: «До того мне стало нехорошо после этого, и страшно захотелось руки

помыть, будто я не человека, а какого-то гада ползучего душил... Первый раз в жизни убил, и то своего... Да какой же он свой? Он же хуже чужого, предатель. Встал и говорю взвонному: "Пойдем отсюда, товарищ, церковь велика"» [4, 362].

Немецкий плен в воспоминаниях Соколова предстает как преисподняя, где «били за то, что ты — русский, за то, что на белый свет еще смотришь, за то, что на них, сволочей, работаешь» [4, 364]. В рассказе постепенно нарастает тема «русскости», достигая своего апогея в столкновении с «немецким» в поединке с Мюллером. Тема «русского достоинства» окрашивает весь этот эпизод, причем сказывается это не только в том, что Соколов находит в себе силы шутить перед лицом возможной смерти, напоминая тем самым незабвенного Василия Теркина. Герой М. А. Шолохова «собирается с духом, чтобы глянуть в дырку пистолета бесстрашно, как и подобает солдату». Но на этом испытания не закончились. Андрей Соколов предстает как истинный богатырь духа, когда отказывается от соблазна в одиночку съесть «трофейные» хлеб и сало, ведь такое искушение естественно и простительно для изголодавшегося человека. Еду поделили в бараке поровну, хотя среди пленных был и тот «стукач», который донес на Соколова.

Андрей Соколов выжил в плену, потому что боролся не столько за свою жизнь как таковую, им двигало желание соединиться со своей семьей после победы. Он — глава семьи, отец и муж, а для героя это сакральные понятия, как и любовь к Отчизне. Возвращение Андрея на Родину выдержано автором в русле эпического сказания: «...Но вот уже лесок над озером, наши бегут к машине, а я вскочил в этот лесок, дверцу открыл, упал на землю и целую ее, и дышать мне нечем...» [4, 370-371].

Трагедия войны в рассказе М. А. Шолохова исследована до самого дна, когда выживший солдат, вернувшись с фронта, узнает о гибели своих родных. Вопрос неминуемо встает о цене победы и подвиге советского солдата. Эта проблема была остро поставлена в послевоенном шедевре М. В. Исаковского «Враги сожгли родную хату», ею не переставал «болеть» А. Т. Твардовский, как и многие другие деятели русской культуры. М. А. Шолохов учитывает их опыт в раскрытии и осмыслении этой непростой темы. И он находит свой ответ, свое решение, когда Андрей Соколов преодолевает, пожалуй, самое серьезное испытание после войны — одиночество. В усыновлении им Ванюшки кроется вся глубина постижения человеком смысла своего существования. Жизнь — это не срывание «цветов удовольствия», это труд во благо своего ближнего, это служение людям, а не прихотям своего «я». Беспросветная, мрачная сторона войны, которая отняла у героя все, что было дорого его сердцу, просветляется только тогда, когда герой понимает, что вся наша страна — это

большая семья, которая требует своего восстановления, заботы, внимания и жертвенного подвига любви. Как всегда у М. А. Шолохова, эта великая идея воплощена в конкретной бытовой ситуации — проявлении отцовского чувства к беспризорному сироте, которого тоже «исказнила, покалечила» война: «Закипела тут во мне горячая слеза, и сразу я решил: "Не бывать тому, чтобы нам порознь пропадать! Возьму его к себе в дети". И сразу у меня на душе стало легко и как-то светло» [4, 376].

Следует подчеркнуть, что вокруг чайной, где Соколов нашел приемного сына, кормилось много мужчин, но стать отцом сироте смог только он один, потому что страдания военных лет обострили его восприятие чужого несчастья как своего собственного. Это соединение «двух песчинок», заброшенных «в чужие края военным ураганом невиданной силы», в одну семью представляется нам кристаллизацией основной идеи рассказа — торжества народного соборного начала в русской душе, которое ни при каких обстоятельствах не позволяет человеку окунуться в бездну уныния и отчаяния.

Повесть В. Г. Распутина «Живи и помни» написана о противоположенном процессе в душах главных героев, когда самолюбивое «я», «мои» желания и расчеты преобладают над общенародными интересами и возникает стремление выстроить собственное счастье вопреки логике войны. Тема дезертирства солдата с фронта неоднократно попадала в поле зрения писателей («Дезертир» Ю. Гончарова, «Лицом к лицу» Ч. Айтматова и др.). Но подход В. Г. Распутина к этой теме отличается ее рассмотрением в контексте основополагающих категорий бытия, нашей национальной культурной идентичности. Для русского духовного менталитета всегда был важен вопрос, имеющий первостепенное значение: для чего и во имя чего живет человек, как найти истинный смысл жизни, существуют ли вечные ценности и каковы они. Андрей Гуськов, как и Андрей Соколов в начале своей исповеди, мог бы сказать, что «поначалу его жизнь была обыкновенная». Гуськов воевал на фронте, как все, не прячась за спины товарищей, с ним охотно ходили в разведку и т.п. Но к концу третьего года начал проглядывать конец войны и у героя возникла мысль о том, чтобы сохранить себя любой ценой, «от смерти отойти». У него созревает план, как осуществить свое намерение, и это ему удастся, однако В. Г. Распутин вскрывает все лукавство этого выживания «наособицу», потому что любая цена собственной жизни неминуемо влечет за собой цену жизни другого человека, своего брата по оружию. Если представить себе картину того, как наши солдаты пытались бы каждый «от смерти отойти», подставляя вместо себя другого, не рискуя, не жертвуя собой вплоть до последних победных залпов, фронт развалился бы и мы никогда не выиграли войну.

Тема пагубности индивидуализма открывает распутиное повествование. Изначально в зимнем пейзаже, в котором преобладают детали сиротства, холода, «помертвевшего» леса, «жесткого и ломкого воздуха», символизируются мотивы грядущей драмы, когда разделение и отчуждение затронет всю когда-то дружную семью Гуськовых: «Зима на сорок пятый, последний военный год в этих краях простояла сиротской, но крещенские морозы свое взяли, отстучали, как им полагается, за сорок. Прокалившись за неделю, отстал с деревьев куржак, и лес совсем помертвел, снег по земле заскрип и крошился, в жестком и ломком воздухе по утрам было трудно продохнуть. Потом снова отпустило, после этого отпустило еще раз, и на открытых местах рано затвердел наст. В морозы в бане Гуськовых, стоящей на нижнем огороде у Ангары, поближе к воде, случилась пропажа: исчез хороший, старой работы, плотницкий топор Михеича» [5, 3].

Несложно заметить, что начало повести В. Г. Распутина прямо соотносится с пейзажем, открывающим рассказ М. А. Шолохова «Судьба человека». И соотносится оно по принципу контраста. У М. А. Шолохова действие начинается «первой послевоенной весной», которая оказалась «на редкость дружной и напористой». Выше мы уже отмечали «вихревую» динамику картины природы, в которой все ее «голоса» сливаются в общий «хор», участвующий в возрождении жизни.

У В. Г. Распутина на фоне мертвящего холода начинают совершаться первые, пока еще маленькие, но болезненные «преступления» в доме Гуськовых. Пропажа топора — говорящая подробность, так как в быту, хозяйстве земледельцев топор — важная и даже незаменимая вещь. Если шолоховская весна постепенно отогревает человеческие сердца, измученные испытаниями военного времени, то у В. Г. Распутина внутри семейства Гуськовых все отчетливее назревает взаимное охлаждение и отчуждение, которое породило дезертирство Андрея. Настена знает, а Михеич догадывается, что его сын — дезертир. Настена убеждает себя в том, что и она виновата в драматическом изломе судьбы своего мужа, которого она любит, а больше жалеет. Трудно не согласиться с героиней, когда она приходит к выводу, что вымаливала она Андрея «только для самой себя», для своего «я». В. Г. Распутин показывает, что своеволие или самозаконотворчество дремлет в каждом человеке, даже в такой совестливой натуре, как Настена.

Есть ли в повести выход из тупика несправедливой жизни, «рецепт» спасения мужа и жены от трагического финала? Глубина понимания соборности, истинная народность писателя подсказывают этот традиционный выход для согрешившей, но мучающейся своим падением человеческой души. Это путь искреннего покаяния, которое никогда не бывает бесплодным. И Настена, и Андрей выводятся ав-

тором на эту труднейшую, но единственно верную стезю. А умудренный жизненным опытом Михеич прямо ее формулирует. Но осознанный индивидуализм Андрея, его упрямое желание выжить любой ценой, переступая не только духовные законы бытия, но и обычные моральные правила и принципы, не позволяют эгоцентрику признать свое поражение. Его нравственная деградация достигает уже вершин бессмысленной жестокости, когда он топором, украденным у отца, убивает теленка не ради потребности в пище, а из злобного, мстительного помысла.

Нравственная деградация главного героя расценивается автором как дехристианизация. Эта идея явственно обнаруживает себя в кульминационном моменте повести, в решающем диалоге Михеича и Настены: « — Он здесь, Настена. Не отказывайся, я знаю. Никому не говори, откройся мне одному. Откройся, Настена, пожалей меня. Я ить отец ему.

Настена покачала головой.

— Дай один только и в последний раз увидеться. Христом-Богом молю, Настена, дай. Не простишь тебе, если ты от меня скроешь... Хочу я спросить его, на что он такое надеется? А? Не говорил он тебе? У нас в родове всякие бывали, но чтоб до такого дойти... От стервец дак стервец. Доигрался... Сведи нас, Настена, — почти с угрозой потребовал он. — Христом-Богом молю: сведи. Надо заворотить его, покуль он совсем не испоганился. Ты сама видишь: дале некуда играть. Хватит. Пожалей меня, Настена, подмогни. И тебе легче будет» [5, 181].

Андрей как-то сказал, что убьет свою жену, если она кому-нибудь скажет правду. Настена сохраняет его обещание как некую «заповедь». Она отказывает Михеичу. Однако это упорство во грехе и не могло принести никакого иного результата. Гуськов все же «убивает» свою жену и ребенка, хотя клялся Настене, что покончит со всеми, кто будет ее обвинять и судить. По логике повествования, именно Настене придется заплатить самую высокую цену за нераскаянное преступление мужа. Настена была обречена после убийства теленка, когда Гуськов увидел в глазах коровы неотвратимость возмездия: «Перед тем как уходить, Гуськов в последний раз оглянулся на корову. Пригнув голову, она смотрела на него с прежней пристальной неподвижностью, и в ее глазах он увидел угрозу какую-то постороннюю, не коровью, ту, что могла свершиться. Гуськов заторопился уйти» [5, 141].

В повести В. Г. Распутина герой-индивидуалист добывается своего: он выживает. «Любая» цена этого итога чрезвычайно высока: Настена пожертвовала собой и ребенком, чтобы спасти мужу жизнь. В одном из вариантов финала повести В. Г. Распутин показывает, что Андрей не изменил своему главному выбору — жить только для себя. Когда он услышал шум на реке — это плыла Настена, которую выследили и за которой гнались, — у него не мелькнуло

даже мысли о том, что его жена находится в опасности, что ей нужна помощь и поддержка, что она может погибнуть.

Гуськов в очередной раз сбежал от ответственности за своих ближних, он кинулся в тайгу, на Каменном острове у него была заготовлена пещера, где «его не отыщет ни одна собака».

А Настену бабы не дали похоронить среди утопленников и предали ее земле среди своих, «только чуть с краешку, у покосившейся изгороди».

И рассказ «Судьба человека», и повесть «Живи и помни» заканчиваются слезами. У М. А. Шолохова плачет герой-повествователь, который «с тяжелой грустью» смотрит вслед Соколову и его сынишке. Действительно, война и радость мало совместимы друг с другом. Но в «Судьбе человека» грусть не отменяет конечного торжества жизни, она дает читателям надежду на преображение земной трагедии в нечто высшее, вечное и справедливое.

У В. Г. Распутина — иные слезы. Читателям жалко Настену, как и бабам, которые «всплакнули на ее поминках». Но говорящее назидательное название повести обращено не только к дезертиру, но и ко всем

тем, кто уверен, что им «все можно», кто следует порочной философии самоутверждения за счет чужих страданий, горестей и бед. Это онтологический бунт против Бога, Который создал человека по Своему образу и подобию. Разрушающий Божий замысел о человеке неизбежно уничтожает связь творения с Творцом, попирает волю Отца Небесного, попадая в ловушку темных, бесовских сил. Соборная сущность человека заложена в его природе, и тот, кто пытается самовольно переступить определенные Богом границы, неизбежно терпит крах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Осипов В. Шолохов / В. Осипов. — М.: Молодая гвардия. — 2005.
2. Шолохов М. А. Тихий Дон: В 4 книгах / М. А. Шолохов. — Кн. 1. — М.: Художественная литература, 1962.
3. Шолохов и русское зарубежье / сост. В. Васильев. — М.: Алгоритм, 2003.
4. Шолохов М. А. Донские рассказы. Судьба человека / М. А. Шолохов. — Душанбе: Маориф, 1984.
5. Распутин В. Г. Живи и помни / В. Г. Распутин. — М.: Современник, 1975.

Липецкий государственный педагогический университет имени П. П. Семенова-Тянь-Шанского

Сатарова Л. Г., доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы

*Гречушкина Н. В., кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы
E-mail: natgrech@yandex.ru*

*Стюфляева Н. В., кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы
E-mail: stuf77@mail.ru*

Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University

Satarova L. G., Doctor of Philology, Professor of the Russian Language and Literature Department

*Grechushkina N. V., Candidate of Philology, Associate Professor of the Russian Language and Literature Department
E-mail: natgrech@yandex.ru*

*Stuflyayeva N. V., Candidate of Philology, Associate Professor of the Russian Language and Literature Department
E-mail: stuf77@mail.ru*